

● СУДЬБА

■ Ангарские медики, лечившие строителей АЭХК, около своего общежития в 4 поселке. 1955 год.

Я шёл в госпиталь как домой...

Сергей Павлович ЗУБРИЧЕВ отработал на АЭХК 35 лет. Сегодня он заслуженный пенсионер, ветеран атомной промышленности, вспоминает о своем героическом отце Павле Никитовиче, военном хирурге, и своем детстве, опаленном войной и последствиями злоупотреблений сталинского режима.

- Сергей Павлович, откуда родом ваша семья, ваш отец?

- Он родился в дельте реки Волги, в отдаленной деревне Пологое Займище. Ну а род берет свое начало на Украине. В голодные двадцатые-тридцатые годы оттуда многие бежали не разбирая дороги. Вот и жители этой деревни спрятались вдалеке от больших городов, образовали хозяйство. Думали, там их не достанут.

Но, конечно, ошибались. У моего деда и бабки было четверо сыновей. Отец – самый младший. И вот во времена «великих строек» в деревню пришла «разнарядка» – отправить одного человека в Воркуту. «Гуманно» поступили местные чекисты – не вытряхивали из домов всех подряд, дали людям самим сделать выбор. Ну а люди что? «Пелагея, у тебя четыре взрослых сына! Давай твоего отдадим. У нас столько рабочих рук нет». И отдали одного из братьев в лагерь, без вины... Семья сильно горевала. Но прошел год – и новая разнарядка. И на этот раз выбор пал на одного из братьев ЗУБРИЧЕВЫХ. Ему пришлось поехать в Караганду.

Тогда, понимая, что добром дело не кончится, старший брат сказал моему отцу: «Пашка, беги отсюда!» И он побежал. До Волги бегом, а там влез в бочку и попал «зайцем» на баржу. Так доехал до самого Саратова. Только там, уже далеко от дома, надумал вылезти.

И так ему повезло, что как раз открылся набор в медицинский институт. Кажется странным, но в глухой деревне учился отец хорошо. И бежал из дома, конечно, хоть и тайно, но с вещами и документами. Так ему посчастливилось поступить в вуз и начать совсем дру-

гую жизнь, миновав перспективу «светивших» лагерей.

А старшего брата, что помог ему бежать, отправили на Сахалин.

- Война застала вашу семью в Саратове?

- Да. Мои родители там поженились – мама тоже училась в медицинском институте. Я родился в Саратове в 1937 году. А потом началась война. Но на фронт во время боев с Германией их не призвали. А вот когда началась война с

нас, детей, организованно укладывали спать.

Мы жили в воинской части, занимавшейся охраной железных дорог на Дальнем Востоке. И снабжение было хорошим. По крайней мере не помню, чтобы в детстве мне довелось голодать в военные годы.

В части была школа, мы учились. После уроков я всегда шел к родителям в госпиталь как домой. Старался чем-то помочь. До сих пор помню картину: просторный парк, в котором гуляют раненые. А я хожу с большим чайником и подаю им питьевую воду...

А еще мы, дети, собирали шерстяные вещи (в том числе их и люди сдавали), распускали их, мотали клубки, а потом вязали из них теплые варежки на фронт.

■ Семья Зубричевых - родители и дети. Именно такими они приехали в молодой город Ангарск.

Японией, нашу семью отправили в Хабаровск.

- Чем им предстояло там заниматься?

- Родители служили в военном госпитале, под который оборудовали Хабаровский педагогический институт. А я жил в соседнем бараке, в санчасти. Там находились все дети военных. Помню, что родители ночами были на дежурстве, а

- Какими врачами были ваши родители? С какой специализацией?

- Мама была терапевтом. А отец – хирургом. Причем очень талантливым. Он многим раненым спасал жизни, тем, кого считали безнадежными. Любил рассказывать об операциях. Зарисовывал сложные, как он считал (фотоаппарата в госпитале не было).

Впоследствии именно его иллюстрации помогли выпустить справочник по хирургии для врачей.

- Можете что-то рассказать об операциях, которые проводил отец?

- Главной особенностью хирурга, работающего с тяжелоранеными в войну, когда не было в больницах очень многого, – это, конечно, смекалка и умение молниеносно принять верное решение.

В моей памяти не сохранились рассказы отца об операциях в госпитале. Но его рассказ о первой самостоятельно сделанной операции я помню, и она меня поразила до глубины души.

Еще во время учебы в Саратове он посещал родную деревню в каникулы. И обратно ехал с оказией, как многие тогда. В город шла телега с лошастью, на которой лежал больной мальчик. Ребенок задыхался. Отец спросил у его матери:

отец сказал: а давайте в Москву?! «Как в Москву? Что там делать?» – удивилась мама. Но отец показал свою записную книжку и говорит: «Вот тут пол-Москвы!» Многие его пациенты в благодарность оставляли адреса.

В Москве нас встретил один из сослуживцев отца и потом не один день нас возили в гости от одного человека к другому через всю столицу. Отцу удалось там найти работу. Но потом случилась беда в Грузии, и его срочно направили в госпиталь в Биштау. После работы в этом госпитале в Москву уже решено было не возвращаться. Решили мои родители попытать счастья на атомной стройке, в Ангарске.

- В каком году вы переехали в Ангарск?

- В 1955. Родители знали, что тут строится атомный комбинат. И нужны были абсолютно все специалисты: медики не исключение. Условия жизни, конечно, были спартанские, как и практически везде, где приходилось работать моей семье. Для медиков было построено общежитие – барак в 4-м поселке. У каждой семьи было по комнате, коридор общий. К тому времени я уже окончил школу и учился на инженера по эксплуатации автомобильного транспорта.

В 1959 году, после окончания учебы, отец привел меня на комбинат. Поскольку его на предприятии знали и уважали, пришли мы напрямую к первому директору АЭХК Виктору НОВОКШЕНОВУ. После того как он со мной пообщался, меня принял техник-прибористом в отдел главного прибориста, а потом я стал инженером-конструктором.

- Вы 35 лет отработали на АЭХК. За это время многого добились?

- У меня больше 30 рацпредложений. Но начальником я так и не стал. Наверное, семейное. Отец тоже так и не поднялся по карьерной лестнице, несмотря на свои заслуги.

- Он еще долго работал хирургом?

- К сожалению, нет. Даже на пенсию выйти не успел. У отца было, как оказалось, слабое сердце. Его не стало в 1970 году (а родился он в 1910). Всего 60 лет прожил.

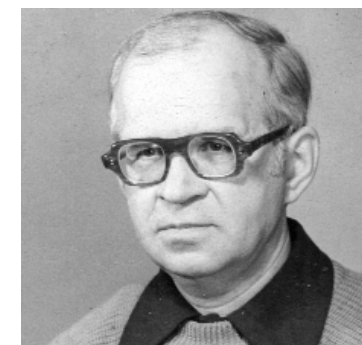
- В вашей семье еще были медики? Или все ушли в технику?

- Моя жена Надежда Александровна, которая тоже, к сожалению, уже ушла из жизни, 30 лет отработала в цехе связи АЭХК. А вот две дочери снова вернулись к профессии, подразумевающей работу с людьми. Татьяна (ее тоже уже нет в живых) была воспитателем в детском саду. А Светлана сейчас на пенсии, раньше работала врачом. Есть внук Андрей – финансист, и внучка Наталья, которая пока что не работает – воспитывает троих детей.

- Младшее поколение чтит память своих родных – военных медиков, спасавших раненых?

- Да, конечно. Они участвуют в шествии «Бессмертный полк» с портретами своих прадедушки и прабабушки. Мы дома сохраняем память о них, фотографии, воспоминания. И надеюсь, что даже когда меня не будет, память эта сохранится.

**Яна АРХИПОВА,
фото из архива семьи
ЗУБРИЧЕВЫХ**

■ Сергей Зубричев память отца не подвел. Много лет вот это его фото висело на доске почета комбината. В 1986 году Сергею Павловичу было присвоено звание "инженера-конструктора".

что случилось? Оказалось, от подобной болезни у нее уже умер один сын. И вот второй еле жив...

Ехать надо было долго. И отец понял – паренюку эту поездку не пережить. И тогда было решено оперировать. В степи сделали остановку, развели костер. Отец прожег на костре нож (продезинфицировал), срезал им камышинку, сделал мальчику разрез гортани и вставил ее.

Вот так, дыша через горло, он и доехал до больницы. Там ребенка передали врачам, которые экстренно провели полноценную операцию по устранению аномалии горла (как оказалось, она в этой семье была наследственной). Мальчик выжил, проблема с дыханием была решена раз и навсегда. Отца похвалили за смекалку и храбрость.

Вот таким он был со студенческой скамьи.

- Помните, как закончилась война с Японией?

- Да. Был большой артиллерийский салют. И мы, дети, конечно, очень хотели его посмотреть. Но салют был в городе, в парке. И народу там видимо-невидимо собралось. А мы за забором, в военной части. И тогда папа поговорил с начальником части, меня, как говорится, «взяли за жабры» и за забор пропихнули. Так я стоял почти около самых артиллерийских батарей. Запомнил салют на всю жизнь.

- Что случилось с вашей семьей после?

- Отца направили в Казань. Но